Пастернак Борис 10.02.2000

Комс. правда. – 2000. – 10 февр. – с. 15.

Гул затих. Он вышел на подмостки...

Сто десять лет назад родился Борис Пастернак. Вчера на канале «Культура» был показан документальный фильм «Мело-мело по всей земле»

Борис Пастернак. Фото 1959 года.

Несколько лет назад наша страна переживала «пастернаковский бум». Не было такой юной девицы, которая не считала бы своим долгом продекламировать с выражением про горевшую на столе свечу. Потом мода на ту поэзию, которая была не в фаворе в советские времена, прошла, оставив в памяти лишь все ту же свечу, грязную историю с «нобелевкой», да желтое поле нарциссов в американской экранизации запретного «Доктора Живаго». Сегодняшней дате никто особенного внимания не уделяет: телевидение никак не может прийти в себя после двухсотлетия Пушкина, и праздновать поэтические юбилеи в тех случаях, когда речь идет не о сотнях лет, видимо, считает нецелесообразным. И это нормальное положение вещей: стихи все же - слишком интимная литература, а когда речь идет об интимном, стыдно кричать на каждом углу о своей любви к поэту. Обычно это означает, что любви-то и нет. Любящим же Пастернака не нужны никакие поводы, чтобы перечитывать его строки. И все же, все же...

Борис Леонидович Пастернак прожил долгую жизнь, и можно было бы процитировать многие дивные четверостишия. Для меня он навсегда соединился в воображении с Гамлетом, прислонившимся к дверному косяку на подмостках. Декорация предельно проста: черный проем двери, и все. Впереди - темное море людей, возможно, враждебное. Тишина. Аплодисментов не будет: миг ожидания первых слов актера растягивается до бесконечности. Есть лишь плечо и дверной косяк: луч света не находит в темноте измученного лица.

Незадолго до смерти Пастернака в Переделкино приезжал Леонард Бернстайн. У него в Москве был концерт, из-за которого американскому композитору пришлось долго препираться с министром культуры. Бернстайн ужасался и спрашивал у Пастернака, как можно жить с такими министрами. Пастернак ответил:

- При чем тут министры? Художник разговаривает с Богом, и тот ставит ему различные представления, чтобы ему было что писать. Это может быть фарс, как в вашем случае, может быть трагедия. Это второстепенно.

Жизненные трагедии второстепенны. Как плохо бы они ни кончались. Это, увы, единственная форма оптимизма, доступная русскому художнику.

Валентина ЛЬВОВА.